

Рецензии и отзывы

Н. Н. Каретникова
В. П. Яковлев

Юрий Овсянников. Три века Санкт-Петербурга. История. Культура. Быт. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. – 502 с.

К 300-летию со дня основания Санкт-Петербурга вышло в свет второе исправленное и дополненное издание книги Ю. М. Овсянникова «Три века Санкт-Петербурга»¹. Первое издание читатели увидели в 1997 г. Тогда же авторы этих строк опубликовали на нее рецензию в «Санкт-Петербургских ведомостях», высказав несогласие с концепцией Овсянникова.

Таким образом, авторы предлагаемой вниманию читателей рецензии, уподобляясь древнеримскому сенатору Катону Старшему, снова возвращаются к теме.

Создатель книги «Три века Санкт-Петербурга» Ю. М. Овсянников – писатель, искусствовед, широко известный своими серьезными трудами, посвященными Д. Трезини, Б. Растрелли, К. Росси, лауреат Анциферовской премии, присуждаемой за лучшие работы о Санкт-Петербурге. Новое издание полиграфически безупречно, богато иллюстрировано прекрасными архитектурными съемками И. Пальмина и др. и практически является подарочным юбилейным изданием.

Овсянников очень подробно излагает историю города до 1917 г. Этот рассказ многогранен, живописен, отражает не только основные вехи развития Санкт-Петербурга, но тонкие его нюансы, текст изобилует именами как государственных деятелей и царей, так и литераторов, писателей, музыкантов, архитекторов. В канву крупнейших исторических событий умело вписаны страницы, посвященные отдельным памятникам архитектуры, истории, литературы. Очень удачными стали мини-очерки о Петербурге Ф. Достоевского, А. Блока, «Серебряном веке» и др. Сквозной темой в книге дана история Государственного Эрмитажа. Почти в каждой главе встречается материал о его создании и деятельности, и сделано это со вкусом, ненавязчиво и очень уместно.

Пожалуй, вызывает только некоторое удивление рассказ автора о Колеснице Славы на аттике арки Главного штаба. Овсянников, один из знатоков творчества К. Росси, пишет о том, что в сентябре 1830 г. установили «шестнадцатитонную колесницу» (с. 233). В ночь на 1 января 2001 г. во время массовых гуляний на Дворцовой площади случился пожар, сильно повредивший скульптурную композицию. Тогда же в прессе появились публикации о том, что Колесница вместо шестнадцати тонн весила четыре, а ее создателей обвинили в хищении меди. Петербургский исследователь П. Б. Кривская в Российском государственном историческом архиве обнаружила документы, неопровержимо доказывающие, что Колесница действительно весила только четыре тонны, это было хорошо известно современникам и являлось предметом особой гордости создателей, сумевших в 4 раза уменьшить давление скульптурной композиции на арку Главного штаба².

¹ К сожалению, Юрий Максимилианович Овсянников ушел из жизни, не дожив до выхода в свет второго издания «Трех веков Санкт-Петербурга», но выдвинутая им концепция имеет много сторонников.

² Кривская П. Б. Превратности «Славы» // История Петербурга. – 2001. – № 1. – С. 54.

Нужно отметить, что, если бы книга Овсянникова называлась «Два», а не «Три века Санкт-Петербурга», то не было бы и предмета рецензии. Из 502 страниц работы только 46 посвящены 73 годам советского и 10 пост-советского периода истории нашего города. Это столь некорректно, что в начале книги на листе, озаглавленном «Содержание», автор сам делает описку по З. Фрейду, указывая: «Эпоха социализма» – с. 336-482 (в действительности – с. 436-482).

Краткость, практически скороговорка, в изложении материала в главе «Эпоха социализма» привели к тому, что отсутствует даже упоминание о развитии традиционных видов искусства, за исключением авангарда 1920-х гг. и конструктивизма 1920 – 1930-х гг. Так, в четыре страницы, посвященные послевоенному Ленинграду (с. 468-472), не попал рассказ ни об одном театре: ни Акимовский театр Комедии, ни Товстоноговский БДТ, ни Додинский Малый драматический даже не упомянуты. Между тем, когда речь идет о театре елизаветинских времен, то Овсянников не только подробно излагает его историю, но даже цитирует текст афиш той эпохи (с. 88-89).

Нет ни слова и о таком новом искусстве, как кино, поэтому имена бр. Васильевых, Г. Козинцева, И. Хейфица, Г. Панфилова, А. Германа и других также выпали из городской истории.

Автор «Трех веков Санкт-Петербурга» ярко пишет о создании Кунсткамеры, Эрмитажа и Русского музея в дореволюционную эпоху. Сегодня количество петербургских музеев приближается к тремстам. Подавляющее их большинство появилось после 1917 г., но о них, за исключением Музея обороны Ленинграда, нет ни слова.

Из всех великих выпускников Вагановского училища, прославивших сцену Мариинского театра в советское время, автор назвал только Р. Нуриева и М. Барышникову. Невольно предполагаешь, что Г. Уланова, К. Сергеев, В. Чабукяни, Н. Дудинская, Ф. Рузиматов и другие не попали в их число, т. к. не стали эмигрантами.

В силу своего неприятия ленинградского периода истории Санкт-Петербурга, Овсянников меняет концепцию иллюстрирования книги. Так, рассказ о первых двух веках города очень выигрывает от размещения портретов людей, живших и творивших в нем: М. Мусоргского, Ф. Достоевского, А. Блока, А. Бенуа и т. д. (с. 361, 372, 397, 411). В главе «Эпоха социализма» только один портрет А. Ахматовой (с. 468). Больше такой чести никто не удостоен.

Зато на этих 46 страницах подробно изложены акты вандализма, произошедшие в первые советские десятилетия. Имели они место? Несомненно. Вероятно, было бы уместно, ни в коей мере не оправдывая, а, безусловно, осуждая подобное, упомянуть об истоках ненависти пролетариев к уникальным ансамблям. Так, рассказывая о золочении купола Исаакиевского собора, фразу: «Его медную обшивку трижды покрывали расплавленным золотом и ртутью. И сегодня, через полтора столетия, огромная глава Исаакиевского собора продолжает сиять своими первоначальным огнем» (с. 348), продолжить: «Все 43 русских мужика, которых заставили золотить купол по этой древней варварской технологии и от которой к тому времени отказался весь цивилизованный мир, умерли от ртутного отравления, не дожив до освящения Исаакия». Или дополнить многостраничную историю Исаакиевской площади и Мариинского дворца одной фразой: «К несчастью, здесь же, у Синего моста в Петербурге в течение многих десятилетий можно было купить и продать людей оптом и в розницу».

Если изложение истории Санкт-Петербурга за первые 150 лет почти безупречно, то, когда речь идет о более поздних временах, к сожалению, случаются досадные ошибки.

Мы так же, как и автор книги, не испытываем симпатии к народовольцам, но, рассказывая о подготовке к покушению и убийстве императора Александра II, вряд ли нужно быть неточным. Овсянников делает три ошибки на одной странице: «Желябов и Перовская арендовали на Малой Садовой молочный магазин» (с. 368). В действительности, это была сырная лавка супругов Кобозевых, и снимали ее другие народовольцы – Ю. Н. Богданович и А. В. Якимова. А Желябов был арестован не на улице (с. 368), а в меблированных комнатах дома № 66 по Невскому пр. Далее идет описание гибели императора Александра II: «Когда рассеялся дым, то среди двух десятков пострадавших увидели смертельно раненного государя и труп второго бомбометателя» (с. 368). Второй бомбометатель, И. Гриневский был ранен и умер в Николаевском военном госпитале.

1917 г. вызывает тяжелое чувство не только у Овсянникова, но и у авторов этих строк. Тем более не может быть ошибок в тексте. Говоря о государственных органах, созданных в ходе Февральской революции, автор называет «Временный комитет Государственной думы» (с. 431), опустив слово «членов» – Временный комитет членов Государственной думы. Между тем, слово «членов» крайне важно. К началу революции Николай II распустил 4-ю Государственную думу, большинство ее депутатов не решилось нарушить царский указ и не принимало участия в создании Временного правительства.

События октября 1917 г. сведены к двум абзацам, но автор успевает сказать, что «Смольный институт благородных девиц, где разместился штаб большевиков, опоясан окопами, пулеметами, колючей проволокой» (с. 435). Ссылается он при этом на фотографии сентября 1917 г. Фотографий действительно много, но ни окопов, ни колючей проволоки на них нет³.

Повествование о блокаде носит глубоко эмоциональный характер. Вместе с тем, в изложении есть пробелы. Так, рассказывая о культурной жизни блокадного Ленинграда 1942–1943 гг., автор пишет: «На Невском проспекте по вечерам теперь открывал свои двери театр. Его так и называли „Блокадный“» (с. 463). Читатель при этом справедливо думает, что этот театр (в будущем им. В. Ф. Комиссаржевской) был один. Но в первую, самую тяжелую, блокадную зиму 1941–1942 гг. на Невском уже был театр, открывший ленинградцам свои двери. Это – театр Музыкальной комедии, который давал представления на сцене Александринки, т. к. его собственное здание пострадало от бомбежки. И он был единственным театром, проработавшим всю блокаду.

Автор считает главным событием в новейшей истории Петербурга захоронение царских останков в 1998 г. в Петропавловском соборе. Но в рассказе опять ошибка. Овсянников указывает, что последний русский император похоронен в великокняжеской Усыпальнице и даже подробно рассказывает об авторах ее проекта и строительстве (с. 476). Захоронение же произведено в приделе Св. великомученицы Екатерины самого Петропавловского собора. Где именно захоронены останки – вопрос принципиальный. Императора по традиции хоронят только в соборе, но позиция царских потомков и тогдашнего главы Объединения Дома Романовых Н. Р. Романова состояла в том, что Николай II, императрица Александра Федоровна, великие княжны Ольга, Татьяна и Анастасия должны покоиться вместе с близкими людьми, не оставившими их в последний момент и принявшими такую же мученическую смерть – доктором Е. С. Боткиным, камердинером А. Е. Труппом, горничной А. С. Демидовой, поваром И. М. Харитоновым. Именно поэтому и был избран Екатерининский придел собора.

³ Фотографии Смольного: Революционный Петроград. Год 1917-й. – Л., 1977. – С. 347; Немиро О. Смольный в советском изобразительном искусстве. – М., 1987. – С. 21; Митрофанов Н. Дни великого штурма. – М., 1987. – С. 66-67.

Кстати, далее Овсянников пишет о том, что после царских похорон русские аристократы и члены семьи Романовых, часто приезжая в Петербург, стали членами специальных фондов, и, «благодаря их помощи уже многие здания и особняки приобрели первоначальный облик и радуют взор своей красотой» (с. 476). Неверное утверждение. Петербургский Комитет Государственной Инспекции охраны памятников не располагает подобной информацией. Более того, такое утверждение оскорбительно и для крайне щепетильных русских аристократов. Авторы рецензии лично знакомы с Н. Р. и Д. Р. Романовыми, членами Строгановского, Голицынского и других фондов и с сожалением должны напомнить создателю «Трех веков Санкт-Петербурга», что все богатства этих людей остались в России, их дедам и отцам пришлось начинать жизнь в эмиграции с нуля. Бесконечно любя свою историческую родину, они жертвуют личные средства на благотворительность, но не располагают суммами, позволяющими придать особнякам первоначальный облик. Можно предположить, что, если бы автор книги так откровенно не игнорировал советский и постсоветский период истории города, тогда бы и нашлась страница для рассказа об одной из лучших в мире реставрационных школ – ленинградской.

Чувствуется некая неаккуратность текста, когда речь идет о событиях современной истории. Так, автор пишет: «Бывшее здание Гвардейского штаба на Дворцовой площади получил Эрмитаж» (с. 476). Но в 1989 г. Эрмитаж получил здание не Штаба Гвардейского корпуса, а левое крыло Главного штаба.

А чуть ранее, когда речь идет о Храме Воскресения Христова, указывается: «Храм вновь возвращен верующим» (с. 368-369). Храм передан Исаакиевскому собору и после реставрации в 1998 г. открыт как музей. Следует заметить, что верующим он принадлежал только в советское время (1923–1930 гг.), а в дореволюционный период был в ведении Министерства Императорского двора и открывался только для членов императорской семьи два раза в год: в день именин и смерти императора Александра II.

Есть путаница и в хронологии событий: Дворцовый мост построили не в 1910 г. (с. 339), а в 1912–1916 гг., да и то без архитектурных украшений; Александр III заключил франко-русский союз не в 1889 г. (с. 381), а в 1891-1893 гг.; коронационные торжества в Москве по случаю венчания на царство Николая II прошли не в 1895 г. (с. 385), а в мае 1896 г.

К сожалению, в работе Овсянникова имеется совершенно недопустимая, оскорбительная сентенция. Так, рассказывая об установке в 1985 г. на пл. Восстания памятника «Городу-герою», он сравнивает его с аналогичным в Москве и считает, что схожи памятники, но не события: «Великий 900-дневный героический подвиг Петербурга (так в тексте. – Н. К., В. Я.) в годы Второй мировой войны и московская паника в середине октября 1941 г.» (с. 386). Подобное неуместно, тем более, что позиция автора не аргументирована. Главное же – это памятники не паниковавшим чиновникам, а людям, погибшим, защищая наши столицы.

В заключение следует напомнить, что историю вообще и Петербурга, в частности, можно и переписать, и замолчать целые десятилетия, только изменить нельзя.